

**НАБРОСКИ ПОСЛАНИЯ О ПРОДОЛЖЕНИИ
«ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»**

Среди неоконченных произведений Пушкина имеется несколько черновых набросков, написанных разными стихотворными размерами, но связанных единством жанра и темы. Это четыре варианта начала послания П. А. Плетневу и друзьям о продолжении «Евгения Онегина» («Ты хочешь, мой наперсник строгой», «Ты мне советуешь, Плетнев любезный», «Вы за Онегина советуете, други» и «В мои осенние досуги»), написанные Пушкиным в 1833 и 1835 гг., т. е. после публикации (в 1832 г.) заключительной главы романа и выхода (в марте 1833 г.) его отдельного издания.

Наброски обычно связывают с намерением поэта вернуться к работе над романом. П. В. Анненков, впервые обративший внимание на эти наброски и опубликовавший два из них («Вы за Онегина советуете, други» и «В мои осенние досуги») в «Материалах для биографии Пушкина»,¹ отметил противоречие между «тайной склонностью» Пушкина «к труду своему, которую он победил не без усилий», и композиционной завершенностью «Онегина». «Онегин кончился совершенно и трудно было выискать благовидную причину, чтобы начать новые приделки к нему». Исходя из этого противоречия он объясняет смысл и назначение отрывков. Один («Вы за Онегина советуете, други») рассматривается как «добродушная шутка, где он (Пушкин, — Я. Л.) слагает даже с себя ответственность за мысль восстановить опять Онегина и ссылается на друзей», а другой («В мои осенние досуги»), написанный онегинской строфой, относится к возможной попытке

¹ П. В. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855, стр. 342—343. Набросок «Ты хочешь, мой наперсник строгой» впервые напечатан В. Е. Якушкиным в описании рукописей Пушкина (Русская старина, 1884, август, стр. 329). Набросок «Ты мне советуешь, Плетнев любезный» известен в двух черновых вариантах. Первоначальный черновик опубликован М. Л. Гофманом в статье «Пропущенные строфы „Евгения Онегина“» (Пушкин и его современники, вып. XXXIII—XXXV. Пгр., 1922, стр. 318—319); второй черновик напечатан П. И. Бартевым в публикации «Из рукописей Пушкина» (Русский архив, 1881, кн. III, стр. 473), исправнее — В. Е. Якушкиным в «Русской старине» (1884, декабрь, стр. 525).

продолжить роман: «Может быть, ими (строфами, — Я. Л.) он даже хотел начать снова роман свой, но потом одумался и покинул намерение».²

Мысль Анненкова об отрывке «В мои осенние досуги» как попытке продолжить «Онегина» позже была распространена на другие наброски и на некоторое время закреплена в «Сочинениях» Пушкина. Начиная с издания 1882 г. под редакцией П. А. Ефремова три наброска («Ты мне советуешь, Плетнев любезный», «Вы за Онегина советуете, други» и «В мои осенние досуги») помещаются в приложениях к «Евгению Онегину», иногда под общим заголовком «Возвращение к роману» и датируются 1833 г.³ В издании под редакцией С. А. Венгерова к трем наброскам присоединяется четвертый («Ты мне велишь, мой строгий судия») ⁴ и уточняется их датировка: «Ты мне велишь...» предположительно относится к 1833 г., а остальные датируются 1835 г. «по положению в тетради».⁵

М. Л. Гофман, печатая транскрипцию всех четырех отрывков,⁶ вслед за Анненковым делит их на два замысла: три этапа работы над посланием Плетневу и друзьям и непосредственно продолжение «Онегина». Отрывок «В мои осенние досуги», по его мнению, составляет первые две строфы новой главы романа. Это мнение, но в осторожной форме, поддержал С. М. Бонди. Связывая наброски с советами друзей продолжать роман, он считал, что отрывок «В мои осенние досуги» «может быть, представляет попытку вновь вернуться к „Евгению Онегину“», допуская при этом и возможную связь отрывка уже не с «Онегиным», а с романом о Езерском.⁷ Более категорично высказался Н. Н. Фатов. Называя наброски «Отрывками из продолжения „Евгения Онегина“», он предложил помещать их «в черновики романа, как непосредственно к нему относящиеся, особенно последний отрывок, написанный <...> онегинской строфой».⁸ Однако в советском

² П. В. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина, стр. 342.

³ См.: А. С. Пушкин. Сочинения. Изд. 8-е, испр. и доп. Под ред. П. А. Ефремова. Т. III. М., 1882, стр. 439—441; А. С. Пушкин. Сочинения. Под ред. П. А. Ефремова. Т. III. СПб., 1887, стр. 12—13; А. С. Пушкин. Сочинения. Под ред. П. О. Морозова. Т. III. СПб., 1887, стр. 422—423.

⁴ В таком прочтении набросок «Ты хочешь, мой наперсник строгий» был опубликован В. Е. Якушкиным, см.: Русская старина, 1884, август, стр. 1249.

⁵ Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. VI. Пгр., 1915, стр. 441—442.

⁶ Пушкин и его современники, вып. XXXIII—XXXV. Пб., 1922, стр. 310—328.

⁷ С. М. Бонди. История создания и замысел «Евгения Онегина». — В кн.: А. С. Пушкин. Евгений Онегин. М.—Л., Детиздат, 1936, стр. 241.

⁸ Н. Н. Фатов. О «Евгении Онегине» А. С. Пушкина. (К вопросу об истории создания романа). — Ученые записки Черновицкого гос. университета, т. XIV, вып. 2, 1955, стр. 124.

литературоведении все же доминирует мнение, что ни один из четырех отрывков не соотносится с текстом самого романа, и все они рассматриваются как недописанный ответ поэта на уговоры друзей вернуться к «Онегину». Одни исследователи, основываясь на композиционной завершенности и органической целостности романа, высказывают сомнение в согласии Пушкина следовать советам друзей,⁹ другие считают, что поэт собирался продолжить работу над романом. Во мнении, что наброски отражают решение Пушкина вернуться к «Онегину», сходятся исследователи, стоящие на различных позициях в отношении места и значения так называемых «декабристских строф» в общем замысле и структуре романа. С. М. Бонди, относящий (как и большинство исследователей) эти строфы к десятой главе, допускает возможность работы Пушкина над романом в 1835 г.¹⁰ И. М. Дьяконов, убедительно аргументировавший гипотезу, что шифрованные строфы принадлежат не десятой главе (фактически ненаписанной и лишь «предполагаемой»), а вполне реальному, законченному поэтом «Путешествию Онегина» (т. е. первоначальной VIII главе), также пишет о «позднейшем (1835 года) замысле Пушкина вернуться к „Онегину“». ¹¹ Однако этот замысел, по его мнению, уже «не имеет отношения к проблеме декабристских строф». И. М. Дьяконов не упоминает о набросках послания, но, по-видимому, именно они служат основанием для безоговорочного утверждения о возвращении Пушкина к роману в 1835 г.

Специальную статью посвятил четырем наброскам об «Онегине» А. И. Гербстман.¹² Он считает, что Пушкин высмеивает в них меркантильные рассуждения П. А. Плетнева о возможных доходах от продолжения романа, а также конкретные советы Плетнева и других друзей относительно содержания его будущих глав. Последний набросок, «В мои осенние досуги», кроме якобы обращенных к друзьям сатирических строк, содержит также и «подлинный голос поэта», а именно «предполагаемый план окончания романа», по которому Онегин должен был погибнуть на Кавказе. Строки «Рисуй и франтов городских И милых барышень

⁹ См.: Д. Д. Благой. Мастерство Пушкина. М., «Сов. писатель», 1955, стр. 180—189.

¹⁰ Кроме осторожного замечания об отрывке «В мои осенние досуги» как возможной попытке вернуться к «Онегину», С. М. Бонди высказал предположение, что черновой набросок «Царя любовные затей» в «последней тетради» Пушкина (ПД, № 846) относится к десятой главе (см. статью С. М. Бонди в настоящем сборнике, стр. 385). Из этого, по мнению Бонди, следует, что в 1834 (или 1835) г., т. е. в тот самый период, когда набрасывалось послание, поэт работал над романом.

¹¹ И. М. Дьяконов. О восьмой, девятой и десятой главах «Евгения Онегина». — Русская литература, 1963, № 3, стр. 37—61.

¹² А. Гербстман. О предполагаемом плане окончания «Евгения Онегина». — Ученые записки Казахского университета им. С. М. Кирова, т. XXXIV, вып. 3, Алма-ата, 1958, стр. 13—27.

своих, Войну и бал, дворец и хату И келью *<пропуск>* и харем» являются, по мнению Гербстмана, перечислением отдельных пунктов плана и связаны с кавказскими впечатлениями поэта 1829 г.¹³ На основании этих четырех строк (в рукописи они зачеркнуты) Гербстман пытается восстановить предполагаемый замысел Пушкина в деталях. По его мнению, поэт зачеркнул эти строки «как бы спохватившись» и решив, что «посылать Плетневу план окончания романа, подлинный план — смысла не имеет».

Независимо от догадок, связанных с творческими планами Пушкина, все исследователи сходятся во мнении, что за четырьмя набросками послания стоят вполне реальные, конкретные советы Плетнева и других друзей поэта. На основании этих набросков советы друзей продолжать «Онегина» становятся литературным и биографическим фактом. «Многие друзья поэта, — пишет Д. Д. Благой, — убеждали его продолжать свое произведение (см. относящиеся к 1835 году наброски стихотворных ответов Пушкина на эти предложения)».¹⁴ Следствием прямолинейной биографической интерпретации послания было истолкование записи Пушкина «Ты мне советуешь продолжать Онегина, уверяя меня, что я его не кончил», как наброска письма к Плетневу.¹⁵

Последовательный анализ текстов и черновых вариантов позволяет приблизиться к пониманию истинного замысла Пушкина. Хронологически замысел делится на два этапа: 1833 год (первый набросок) и 1835 год (следующие три наброска). Первый набросок, «Ты хочешь, мой наперсник строгой», записан на л. 32₂ той самой синей тетради (ПД, № 842), которую поэт брал с собой в Оренбургскую поездку 1833 г., а затем привез в Болдино. Датируется он по положению в тетради («верхом вниз», с оборотного конца тетради, между стихотворением Мипкевича «*Pomnik Piotra Wielkiego*» и записью народной песни «Друг мой милый, красно солнышко мое»). Цвет чернил наброска совпадает с чернилами, которыми начато стихотворение Мицкевича «*Do Prziacióli moskali*». Пушкин, по-видимому, стал списывать это стихотво-

¹³ Впервые эта мысль была высказана Н. Н. Фатовым, см.: Н. Н. Фатов, О «Евгении Онегине» А. С. Пушкина, стр. 125.

¹⁴ Д. Д. Благой. Мастерство Пушкина, стр. 180. Ср.: А. И. Гербстман. О предполагаемом плане окончания «Евгения Онегина», стр. 14 («Известно, что после выхода в свет в конце марта 1833 г. первого издания романа „Евгений Онегин“ <...> П. А. Плетнев, да и другие друзья Пушкина, начали уговаривать его возобновить работу над „Онегиным“ и довести роман до конца»). Ср. комментарий Т. Г. Цявловской в кн.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. II. М., Гослитиздат, 1959, стр. 777 («Среди этих друзей были Плетнев, Жуковский, Денис Давыдов»).

¹⁵ Так она была напечатана в академическом издании (XVI, 431). В справочном томе внесено исправление и указывается, что запись является наброском плана стихотворения «Ты мне советуешь, Плетнев любезный» (XVII, 76).

творение еще в Петербурге, затем оставил несколько чистых страниц и закончил уже в дороге, карандашом. Все болдинские записи, начиная с песни «Друг мой милый...», сделаны более темными чернилами. Это позволяет предположить, что набросок «Ты хочешь, мой наперсник строгой» писался также в Петербурге, т. е. до 18 августа 1833 г. — дня отъезда поэта. Поводом могли послужить разговоры, связанные с вышедшим в конце марта 1833 г. первым полным изданием «Евгения Онегина» и отзывами на него в печати. Работа над посланием не пошла дальше первого черновика, была набросана одна онегинская строфа, причем четыре стиха в середине ее остались недописанными.

Вновь поэт берется за оставленный замысел спустя два года — осенью 1835 г. К этому времени относятся три наброска («Ты мне советуешь, Плетнев любезный», «Вы за Онегина советуете, други» и «В мои осенние досуги»). Набросок «Ты мне советуешь, Плетнев любезный» имеет два черновика. Первый из них написан на отдельном листе (ПД, № 985) в два приема: чернилами и карандашом. Второй черновик вместе с двумя следующими набросками записан уже в тетради ПД, № 846. В начале последнего наброска («В мои осенние досуги») поставлена дата «16 сент.». Как отметил С. М. Бонди, в 1836 г. у Пушкина не было «осенних досугов» и «16 сент.» относится безусловно к 1835 г.¹⁶ 7 сентября 1835 г. поэт выехал из Петербурга в Михайловское. Дата «16 сент.» свидетельствует, что работать над посланием Пушкин начал или в первую неделю после приезда в Михайловское, или еще в Петербурге перед отъездом, под непосредственным впечатлением от разговоров с Плетневым о своих творческих планах на осень. Запись на листочке (ПД, № 985) является черновой разработкой первой строфы послания (до строки: «Братъ с публики <пропуск> оброчный»). Весь текст строфы записан чернилами, потом сбоку карандашом дописано несколько вариантов, главным образом относящихся к формуле «железный век», и в связи с новыми вариантами в тексте строфы несколько слов вычеркнуто. На оборотной стороне листа черновая запись отрывка главы «Слепец» из «Путешествия из Москвы в Петербург», а сверху этого отрывка, у самой кромки листа, карандашная запись, сделанная, по-видимому, одновременно с карандашными доработками текста: «Ты мне советуешь продолжать Онегина, уверяя меня, что я его не кончил». Вторая половина фразы («уверяя» и т. д.) зачеркнута. Это скорее всего начатый план послания. Такой прием, когда, написав часть стихотворения, Пушкин останавливается и начинает набрасывать его программу, в творческой прак-

¹⁶ Описание тетради № 846 см. в статье С. М. Бонди в настоящем сборнике, стр. 383. В наброске «Вы за Онегина советуете, други» также упоминаются «осенние досуги». Это решает вопрос его датировки, а положение в тетради и содержание определяют его место в ряду всех четырех отрывков.

тике поэта не единичен.¹⁷ Отказ от записи плана как будто свидетельствует, что художественная концепция всего стихотворения была поэту ясна. Охватывая своей творческой мыслью его цель и назначение, он в дальнейшем пробует вести повествование в разных манерах, применяя разные поэтические размеры, т. е. стремится определить, в какой тональности беседовать с адресатом. набросок 1833 г. писался онегинской строфой, «Ты мне советуешь, Плетнев любезный» — октавами, «Вы за Онегина советуете, други» — александрийским стихом, а последний отрывок, «В мои осенние досуги», — снова онегинской строфой.

Второй черновик послания Плетневу записан уже в тетради ПД, № 846, на л. 32₁, чернилами. Поэт переписал сюда первую строфу с незначительными поправками, не меняющими общего характера разработки темы, наметил пять стихов второй строфы (1, 2, 3, 5 и 6) и три стиха третьей (1, 2, 3). Потом двумя вертикальными линиями была перечеркнута вторая строфа, в которой подсчитывался возможный доход от продолжения романа. Таким образом, второй вариант послания к Плетневу был оборван на 11-м стихе, к тому же 7-й стих в последнем варианте остался недоработанным.

Затем поэт отказался от обращения к Плетневу и стал набрасывать чернилами на л. 57₂ новый вариант послания — александрийским стихом, с обращением «други» («Вы за Онегина советуете, други»), написал вчерне 10 стихов и потом принял окончательное решение, адресовав послание «друзам», вернуться к онегинской строфе.

Все записи, относящиеся к последнему наброску, «В мои осенние досуги», сделаны карандашом и, насколько можно судить по почерку, в один прием. Беловой автограф записан на л. 61₂ и состоит из двух онегинских строф (с пропуском в 10-м стихе второй строфы). Первые пять стихов второй строфы первоначально отработывались на л. 61₁, а следующие (включающие рассуждения о цене «Евгения Онегина») — на л. 32₁, ниже обращенных к Плетневу октав, где именно мотив «оброка» с публики был развит наиболее детально.¹⁸ Черновые тексты с лл. 61₁ и 32₂ с незначительными заменами переписываются набело на л. 61₂, а затем зачеркиваются четыре стиха о героях «продолжения» романа («Рисуй и франтов городских И милых барышень своих, Войну и бал, дворец и хату, И келью <пропуск> и харем»), а в следующей строке («И с нашей публики меж тем») вместо также зачеркнутого «меж тем» ставится «за то». Вычеркнув эти четыре стиха, поэт не заменил их другими, и таким образом онегинская

¹⁷ См.: Д. Д. Б л а г о й. Мастерство Пушкина, стр. 92—93.

¹⁸ Возможно, что и первая строфа, написанная чисто, с несущественными поправками, также предварительно была набросана начерно, но не в тетради, а на отдельном листе бумаги, который до нас не дошел.

строфа оказалась нарушенной. Поэтому в академическом издании последняя правка поэта не была принята, вычеркнутые стихи печатаются в квадратных скобках, а слова «за то» помещены в варианты с указанием, «что последнее исправление не согласовано с контекстом» (III, 397—398, 955).

Внешний сюжет во всех четырех отрывках имеет общие моменты: все они являются как бы ответом на советы (Плетнева, «друзей») продолжать «Онегина», который некогда пользовался успехом у публики, и, собирая с нее оброк, поправить свои материальные дела.

В наброске 1833 г. адресат не назван по имени. Однако «наперсник строгой, боев парнасских судия» без каких-либо натяжек соотносится с Плетневым. Об этом свидетельствуют и второй набросок, уже прямо адресованный «Плетневу любезному», и постоянная роль Плетнева как советчика поэта в денежных и издательских делах. Ему поэт посвятил «Онегина» (посвящение было написано в 1827 г. и напечатано в 1828 г. вместе с IV и V главами романа). В 1827 г., когда печатались первые главы «Онегина», Плетнев убеждал Пушкина спешить с изданием романа и последовательно, без больших перерывов выпускать новые главы.¹⁹ Очевидно, и после этого он не раз связывал с успехом романа и его завершением материальные дела поэта. Плетнев, так же как Вяземский, А. И. Тургенев и другие ближайшие друзья поэта, знал, конечно, предполагаемый план окончания романа, когда Онегин должен был «или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов».²⁰

В наброске 1833 г. речь идет о попытке Плетнева вернуть Пушкина к оставленному замыслу. В его словах, обращенных к поэту («Онегин жив и будет он еще не скоро схоронен. О нем вестей ты знаешь много»), содержится намек на конкретные сюжетные ситуации, «вести», которые «знает» поэт и которые приведут героя к гибели. Однако для самого Пушкина Онегин — «давно забытый герой», так как первоначальный «декабристский» замысел к моменту выхода отдельного издания романа и к началу работы над посланием уже давно был в прошлом.²¹

¹⁹ Вот образцы подобных наставлений: «Кстати о деньгах. Не отставай от работы своего романа. Это вернейший капитал, который у тебя перед глазами» (письмо от 27 августа 1827 г. — XIII, 337); «Ничто так легко не даст денег, как Онегин <...> По всему видно, что для разных творений твоих, бесприютных и сирых, один предназначен судьбою кормилец: Евгений Онегин. Очувствуйся: твое воображение никогда еще не создавало, да и не создаст, кажется, творения, которое бы такими простыми средствами двигало такую огромную <гору> <?> денег, как это бесценное золотое дно Онегин» (письмо от 22 сентября 1827 г. — XIII, 344—345).

²⁰ См.: М. В. Юзефович. Памяти Пушкина. — Русский архив, 1880, кн. 3, стр. 443.

²¹ Эволюцию замысла «Евгения Онегина» и пояснения к свидетельству Юзефовича о «декабристском» плане окончания романа см. в статье:

Исследователи неоднократно отмечали композиционную стройность и завершенность «Онегина».²² Эта четкость композиции наглядно представлена самим Пушкиным в том плане-оглавлении, который он записал 26 сентября 1830 г., на следующий день после окончания романа (см. VI, 532).²³ Не имея возможности напечатать роман в таком виде (т. е. в девяти главах) и вынужденный исключить «Путешествие Онегина» (главу VIII в плане-оглавлении), поэт осенью 1831 г. переработал последнюю главу и дописал письмо Онегина Татьяне. В январе 1832 г. VIII (ранее IX) глава была издана. На обложке ее значится: «Последняя глава „Евгения Онегина“», а в конце текста еще раз повторено: «Конец осьмой и последней главы». Каков бы ни был первоначальный замысел романа и какие бы слухи не были с этим связаны,²⁴ поэт заявлял публике, что «Онегин» продолжаться не будет. Вынужденное исключение главы «Странствие», основной для эволюции героя, нарушало идеологическую и композиционную структуру романа и было насилием над его замыслом. Поэтому в предисловии к «последней», VIII главе поэт «чистосердечно признается», что «выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России» (VI, 642). В первом отдельном издании романа, вышедшем в 1833 г., Пушкин вновь стремится довести до читателей, насколько возможно, свой окончательный замысел. Публикуя здесь «Отрывки из „Путешествия Онегина“» (с изъятием всех мест, недопустимых в цензурном отношении), он перепечатывает предисловие к последней главе с характерным добавлением. Ссылаясь на мнение П. А. Катенина, поэт соглашается, что исключение «Странствия» из романа «вредит <...> плану целого сочинения», и недвусмысленно объясняет, что «решился выпустить эту главу по причинам, важным для него, а не для публики» (VI, 197). Строка, которой обрываются «Отрывки из „Путешествия Онегина“»: «Итак, я жил тогда в Одессе» — напоминала о ссылке поэта, его образе мыслей, политической обстановке на юге и в стране вообще и давала экспозицию для отсеченного описания встречи автора и героя и их возможных бесед.

И. М. Дьяконов. О восьмой, девятой и десятой главах «Евгения Онегина».

²² См.: Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.—Л., Гослитиздат, 1957, стр. 267—272. Ср.: Д. Д. Благой. Мастерство Пушкина, стр. 178—198.

²³ Анализ плана-оглавления романа см. в кн.: Д. Д. Благой. Мастерство Пушкина, стр. 183—184.

²⁴ В рецензии на последнюю главу романа Н. А. Полевой писал об Онегине: «Его не убили и сам он еще здравствовал, когда поэт задернул занавес на судьбу своего героя» (Московский телеграф, 1832, ч. XLIII, № 1, стр. 118). На основании этих слов А. И. Гербстман предполагает, что замысел Пушкина закончить роман гибелью героя был известен кругам «Московского телеграфа» (см.: А. Гербстман. О предполагаемом плане окончания «Евгения Онегина», стр. 26).

Намекая читателям на вынужденный пропуск в романе, поэт ни слова не говорит о намерении продолжить рассказ о героях. Это еще раз подтверждает, что его решение было окончательным. Восьмая глава «Онегина» была для него действительно последней. Поэтому предложение Плетнева продолжать вполне законченное произведение свидетельствовало об эстетической беспомощности советчика. Обращение Пушкина к адресату звучит явно иронически. Добрейший, робкий и скромный человек, каким был Плетнев, становится в послании «наставником строгим», а критик, часто неуверенный в своих мнениях, которому Пушкин не раз выговаривал за «добрые», т. е. непринципиальные, критики и неправоммерно высокие оценки посредственных поэтов, назван «боев парнасских судия». Титул «судии» возводит Плетнева в ранг новоявленного Буало, о котором поэт в том же 1833 г. писал: «французских рифмачей суровый судия» (III, 305). Определение Онегина как «давно забытого героя» и ироническое отношение к совету подсказывают, что послание должно было формулировать отказ Пушкина от продолжения романа. Таким образом, мотив отказа от продолжения «Онегина» кристаллизовался в самом начале работы над посланием и является его основной идеей.

Наброски 1835 г. свидетельствуют о постепенном изменении замысла. Первый из них («Ты мне советуешь, Плетнев любезный») ближе всего к наброску 1833 г. Их сближают общий адресат — Плетнев и упоминание о неосуществленном плане окончания романа, который известен Плетневу:

Ты говоришь: пока Онегин жив
Дотоль роман не кончен — нет причины
Его прервать... к тому же план счастлив —

Поэт колеблется в выборе эпитета к слову «роман». В черновых вариантах трижды повторяется перешедшее из первого наброска прилагательное «забытый» («забытое творенье», «роман забытый», «забытые рассказы»), но в последнем слове правки его сменяет «оставленный роман». Это еще один намек на существование некогда задуманного, но неизвестного публике «счастливого» плана «кончины» романа, который поэт вынужден был оставить.

В наброске «Ты мне советуешь, Плетнев любезный» появляется новая тема — поэт и общество. Она намечена уже в отрывке 1833 г.: общество оценивает творение поэта («героя, когда-то бывшего в чести») и платит за него деньги («возьмут оброк его главы»). Здесь тема поэта и тех, для кого он служит, сформулирована как столкновение поэтического вдохновения, творческой свободы и духовного мещанства, предьявляющего свои права к творческой личности. В характеристику «строгаго века» вводится цитата из «Разговора книгопродавца с поэтом» — «расчета век железный» (в «Разговоре»: «Наш век — торгаш; в сей век железный Без денег и свободы нет»). Формула, определяющая «жэ-

лезный век», имеет наибольшее число вариантов («И век *пропуск*» наш век железный С Онегиным *пропуск*» сближать»; «И снов(а) <?> забавлять наш век железный, Принявшись дельно рифмы подбирать»; «Хотя наш век ужасный»; «Сей грубый век, сей век железный И глух и глуп»; «Не любит рифм, не хочет им внимать» и др.). Таким образом, особенно тщательно и вдумчиво отработывается одна и та же мысль — противопоставление практического, трезвого века, «века торгаша» поэтическому мировосприятию. Дальнейшая работа над посланием показывает, что эта автоцитата Пушкина не случайна.

«Разговор книгопродавца с поэтом» был написан в 1824 г., задуман как введение к роману и появился в качестве предисловия к его первой главе. Это была поэтическая декларация Пушкина, знаменовавшая его прощание с романтизмом, написанная в форме диалога поэта-романтика, проповедующего индивидуализм и презрение к обществу, и книгопродавца, представителя практического мышления, для которого поэзия — товар. Убедая поэта нарушить замкнутое одиночество, книгопродавец сперва соблазняет его славой, потом возможностью воздействовать на общество, потом деньгами. Трезвый разум книгопродавца объявляет поэта глашатаем истины и формулирует задачи поэзии как общественного служения. Одновременно он приводит формулу, которая окончательно убеждает поэта продать рукопись: «Не продается вдохновение, Но можно рукопись продать». Послание «Плетневу любезному» повторяет ситуацию «Разговора» и строится аналогично ему. Это тоже диалог поэта и представителя трезвого, практического мышления, который предлагает поэту извлекать денежную выгоду из творчества:

Ты думаешь, что с целью полезной
Тревогу славы можно сочетать
И что нашему собрату
Брать с публики умеренную плату.

После «Разговора книгопродавца с поэтом» тема поэта и общества прошла еще одну стадию. С «Разговором» преемственно связано стихотворение «Поэт и толпа» (1828) — гневный, бичующий диалог поэта с публикой, которой его вдохновенные песни представляются лишь бесполезным бречаньем. «Чернь тупая» не признавала в поэте глашатая истины и требовала от него правоучительных «уроков», чтобы он исправлял своих сограждан и вел их к полезной цели. Корыстно-мещанское понимание «пользы искусства» вызвало возмущенную отповедь поэта.

В послании Плетневу «строгий век, расчета век железный» также демонстрирует свое мелочное, ограниченное понимание «Онегина», объявляя его «рассказами пустыми», т. е. бесполезными («И строгий век, расчета век железный, Рассказами пустыми угощать»). «Разговор» как бы получает продолжение. За

адресатом этого наброска еще сохраняется имя Плетнева, но по существу косвенная речь послания является теперь уже не изложением доводов друга (для реального Плетнева «Онегин» не может быть «рассказами пустыми»), а окрашенными грустью размышлениями самого поэта о соотношении профессионального практицизма («умеренной платы» с публики) и вдохновения («тревоги славы»).

Зачеркнутый в рукописи набросок второй строфы содержал расчет возможного дохода от продолжения «Онегина»:

[За каждый стих по 10 рублей
(А за строфу приходится 140)
С книгопродавца можно взять ей-ей
< >
Неужто жаль кому 5 рублей
Пустое! Всяк их даст без отговорок].

Это была ироническая интерпретация напечатанных в «Северной пчеле» и «Московском телеграфѣ» подсчетов стоимости романа.²⁵ Памятные читателям издательские подсчеты рецензентов, даже в иронической форме, звучали бы одиозно в устах друга Пушкина Плетнева. Столь же одиозным было бы и найденное в последних вариантах определение «Онегина» как «рассказы пустые» (в первом черновике и в первоначальных вариантах второго черновика было: «забытое творенье», «труд приятный и полезный», «забавляя наш век железный», «И подчуя стихами век железный»). Поэтому поэт сперва вычеркнул строфу с денежными подсчетами, а потом вообще отказался и от этого варианта послания, и от обращения к Плетневу.

Вторая часть послания — антитеза, ответ на предложение адресата — осталась недописанной. Ответ поэта мы находим в третьем наброске — «Вы за Онегина советуете, други». Адресат этого наброска уже не конкретный человек — Плетнев, а «други» — понятие собирательное и вместе с тем неопределенное, зависящее от контекста. В самом романе оно часто звучит иронически (вспомним: «Но от друзей спаси нас боже! Уж эти мне друзья, друзья! Об них недаром вспомнил я» — VI, 80).

²⁵ «VII глава „Онегина“ стоит 5 рублей. За пересылку прилагается 80 к. Все поныне вышедшие семь глав, составляющие, в малую 12-ю долю, 15 печатных листов, стоят без пересылки 35 рублей. Первая часть сего романа в стихах еще не вышла в свет, а потому и невозможно определить цены целого сочинения» (Северная пчела, 1830, 3 апреля, № 40). Ср. в рецензии на отдельное издание романа: «До сих пор „Онегин“ продавался ценою, малослыханною в летописях книжной торговли: за 8 тетрадок надобно было платить 40 рублей! Много ли было тут лишнего сбору, можно судить по тому, что теперь „Онегин“, с дополнениями и примечаниями, продается по 12 рублей. Хвала поэту, который сжалился над топкими карманами читающих людей! Веселие Руси, в которой богатые покупают книги так мало, а небогатым покупать „Онегина“ было так неудобно!» (Московский телеграф, 1833, ч. I, № 6, стр. 237—238).

В конце наброска, после слов о возможном доходе от продолжения романа — «Привалит публика, платя тебе за вход — (Что даст тебе и славу и доход)» — следует:

[Пожалуй — я бы рад —]
[Так некогда поэт]

Мысль осталась незаконченной, но предыдущие реминисценции из «Разговора книгопродавца с поэтом» позволяют предположить, что «поэт» отрывка — это тот самый поэт, который «некогда» принес рукопись «Евгения Онегина» книгопродавцу и закончил свой разговор с ним словами: «Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся». Здесь поэт отвергает предложение («Пожалуй, я бы рад»).

Если в двух предыдущих отрывках мысль о продолжении «Онегина» содержала намек на некогда реальный, существовавший план окончания романа, то теперь этот мотив отброшен полностью — ни о «счастливом плане» «кончины» романа, ни об известных поэту «вестях» об Онегине уже не упоминается. Меняется и представление о возможном завершении романа. Вместо одного сюжетного решения — гибели героя (что совпадало с первоначальным «декабристским» замыслом) «други» предлагают два: смерть или женитьбу Онегина («Вы говорите мне: он жив и не женат. Итак, еще роман не кончен — это клад»). Советы «друзей» (или, точнее, тех, кому адресовано послание) смыкаются уже не с планами самого Пушкина, хотя и давно оставленными по цензурным соображениям, но все же существовавшими, а с бытующими шаблонами традиционных романских концовок — счастливых, когда автор завершает судьбы героев браком, и несчастливых, когда герой погибает.

В своих прозаических романах и в повестях Пушкин охотно останавливается на развязке, особенно если она благополучная. Когда повествование естественно завершается, он считает необходимым выделить финал. «Пиковая дама», например, оканчивается «Эпилогом», где он пишет о сумасшествии Германна (т. е. его духовной смерти) и «отдает дружеский поклон» прочим героям, сообщая читателям о замужестве Елизаветы Ивановны и женитьбе Томского на княжне Полине. «Повести Белкина» также почти всегда оканчиваются традиционной развязкой (гибель Сильвио и смерть зрителя, счастливые браки в «Метели» и «Барышне-крестьянке»). В «Онегине» традиционная развязка отсутствует. Автор оставляет героя «в минуту злую для него», не завершив начатого эпизода («и муж Татьяны показался»), предоставляя самому читателю додумать конец. Подобная неясность, недоговоренность — сознательный художественный прием, заимствованный из поэтики романтической поэмы. «Не надобно все высказывать — это есть тайна занимательности», — писал Пушкин

в ответ на упреки Вяземского в недосказанности конца «Кавказского пленника» (XIII, 58). К такому же приему «намеренной недосказанности» прибегает и Пушкин-реалист, но «теперь этот прием уже не преследует цели одной только внешней занимательности, он насыщается <...> большим идейным смыслом». ²⁶ В отношении «Онегина» это хорошо почувствовал Белинский, связавший «конец без конца» романа с типическими чертами характера его героя: «Что же это такое? Где же роман? Какая его мысль? И что за роман без конца?», — спрашивал критик и тут же отвечал: — «Мы думаем, что есть романы, которых мысль в том и заключается, что в них нет конца, потому что в самой действительности бывают события без развязки, существование без цели, существа неопределенные, никому не понятные, даже самим себе», И дальше: «Что случилось с Онегиным потом? <...> — Не знаем, да и на что нам знать это, когда мы знаем, что силы этой богатой натуры остались без приложения, жизнь без смысла, а роман без конца? Довольно и этого знать, чтобы не захотелось больше ничего знать». ²⁷ «Евгений Онегин» — первый русский реалистический роман — является «романом в стихах» (Пушкин подчеркивал: «теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница» — XIII, 73), т. е. открыто связан с наследием романтической поэзии. От романтизма унаследована и мощная лирическая струя, страстное отношение к изображаемому, воплощенное в образе автора. Но автор, который присутствует почти на каждой странице романа, — такое же объективное лицо, обусловленное временем и средой, как и прочие герои романа. Это отличает «роман в стихах» Пушкина от «Дон Жуана» Байрона, где характеры центрального героя и автора однозначны и неизменны, а образом свойственно нечто статичное, картинное, чему «Евгений Онегин», с присущим ему саморазвитием характеров, противоположен.

Новизна художественного метода вызвала непонимание творческой задачи Пушкина. От жанра романа, хотя бы и «романа в стихах», ждали традиционной концовки, а внешняя схожесть «Евгения Онегина» с «Дон Жуаном», от которого Пушкин во многом отталкивался, усугубила непонимание его структуры и композиции. В «Дон Жуане» история похождения героя служит своеобразной «рамой» и для лирических отступлений поэта, и для ярких, экзотических эпизодов — «картин», сюжетно слабо связанных между собой. ²⁸ Другой совет «друзей»: «Вставляй в просторную,

²⁶ Д. Б. Благой. Мастерство Пушкина, стр. 180. В качестве примера «намеренной недосказанности» приводятся «Борис Годунов» и «Пир во время чумы».

²⁷ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VII. М.—Л., Изд. АН СССР, 1955, стр. 469.

²⁸ Сравнительный анализ построения сюжета в «Евгении Онегине» и «Дон Жуане» Байрона см.: Г. М. Фридлиндер. Пушкин и пути рус-

вместительную раму Картины новые — открой нам диораму» — и обнаруживает это непонимание композиции романа. Для «друзей» «Онегин» лишен сюжетного единства, его герои не основа идейного построения романа, а, так же как герои Байрона, лишь условная сюжетная связка материала.

В предисловии к изданию первой главы «Онегина» Пушкин иронически писал: «Дальновидные критики заметят, конечно, недостаток плана. Всякий волен судить о плане целого романа, прочитав первую главу оного» (VI, 638). Г. А. Гуковский справедливо отметил, что этот полемический выпад поэта свидетельствует, что Пушкин считал свое произведение единым и что в его творческом сознании уже в самом начале работы над романом сложился «план», еще не ясный для читателей первой главы его, но который был виден самому автору.²⁹ Однако не только «дальновидные критики» первых глав, но и те, которые отзывались в печати на последние главы, сходились в оценках «Евгения Онегина» как произведения, лишенного единства. Для критиков различных направлений, так же как и для советчиков-адресатов послания, «Онегин» не больше чем «ряд картин». В 1825 г. опасение Пушкина подтвердил даже Н. А. Полевой, рецензия которого была направлена на защиту нового жанра романа в стихах: «Содержание первой главы Онегина, — писал он, — составляет ряд картин чудной красоты, разнообразных, всегда прелестных, живых. Герой романа есть только связь описаний».³⁰ В дальнейшем колебания в общей оценке романа (положительной или отрицательной) не влияли на определение его структуры. Менялись формы и оттенки высказываний — восторженные, гневные, уничтожающие, презрительные, но смысл их, за редкими исключениями, оставался неизменным. В 1828 г. критик «Московского вестника», сообщая, что 4-я и 5-я песни «Онегина» «составляют в Москве общий предмет разговоров», передает часть «подслушанных» суждений о романе: «Иные, — пишет он, — вовсе отказались видеть в Онегине что-нибудь цельное. Пусть поэт надает нам приятных впечатлений, все равно — мелочью или гуртом. У нас будет несколько характеров, описания снов, вин, обедов, времен года, друзей, родных людей и чего же больше? Пусть продолжается Онегин à l'infini (т. е. бесконечно)».³¹ Более резко сформулировал свое понимание композиции «Онегина» в 1830 г. Полевой, в рецензии на седьмую главу: «Онегин есть собрание отдельных бессвязных заметок и мыслей о том, о сем, вставлен-

ской литературы. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. V. М.—Л., «Наука», 1967, стр. 31—32.

²⁹ Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., Гослитиздат, 1957, стр. 134—135. Ср.: Д. Д. Благой. Мастерство Пушкина, стр. 182.

³⁰ Московский телеграф, 1825, ч. II, № 5, стр. 46.

³¹ Московский вестник, 1828, ч. 7, № 4, стр. 465.

ных в одну раму, из которых автор не составит ничего, имеющего свое отдельное значение. Онегин будет поэтический Лабрюер, рудник для эпитафий, а не органическое существо, которого части взаимно необходимы одна для другой». ³² Через три года, в рецензии уже на отдельное издание романа, Полевой повторил ту же мысль: «в подробностях все достоинство этого прихотливого создания». ³³ Мысль об отсутствии в «Онегине» сюжетного единства отчетливо проходит и через все критики Н. И. Надеждина. В рецензии на VII главу романа Надеждин повторяет даже образ «картинок» и «рам», примененный Полевым для определения структуры романа: «Пусть Онегин величается названием романа: так и быть уж! <...> На мои глаза — это рама, в которую нашему поэту заблагорассудилось вставить свои фантастические наблюдения над жизнью, представлявшеюся ему — не с степенного лица, а с смешной изнанки! Сама рама смастерена неудачно, но *картинки*, вставляемые в нее, большей частью прелестны!.. Они производят вполне эффект, требующийся от подобных поэтических безделок». ³⁴ И после появления последней главы романа Надеждин по-прежнему не нашел в нем «ни цели, ни плана». «С самых первых глав, — писал он, — можно было видеть, что он (роман, — Я. Л.) не имеет притязаний ни на единство содержания, ни на цельность состава, ни на стройность изложения, что он освобождает себя от всех искусственных условий, коих критика вправе требовать от настоящего романа». ³⁵ Таким образом, в представлении о структуре романа как «ряде картин» сходились критики, занимающие различные эстетические позиции: яростный защитник романтизма Полевой и не менее яростный его противник Надеждин.

Советы «друзей» — адресатов третьего наброска смыкаются с критическими отзывами на роман. Их определение композиции «Онегина» как «просторной вместительной рамы», в которую можно до бесконечности (вспомним à l'infini критика из «Московского вестника») вставлять новые «картины», повторяет голоса враждебной критики. Поучительно-требовательная интонация советов («открой нам диораму») напоминает реплики «черни» в диалоге ее с поэтом, а местоимение «нам» не только сближает набросок послания со стихотворением «Поэт и толпа», но и превращает его в разговор поэта с современной ему публикой. Поэтому адресатов послания, с их ограниченным пониманием романа, в данном контексте вряд ли можно персонифицировать. Слово «друзья» принимает (как неоднократно в тексте самого романа) оттенок иронии.

³² Московский телеграф, 1830, ч. 32, № 6, стр. 241.

³³ Там же, 1833, ч. 50, № 6, стр. 239.

³⁴ Вестник Европы, 1830, ч. 170, № 7, стр. 223.

³⁵ Телескоп, 1832, ч. 9, № 9, стр. 107.

Уговаривая поэта продолжать роман, «друзи» выдвигают те же аргументы, к которым раньше прибегал книгопродавец («Привалит публика, платя тебе за вход — (Что даст тебе и славу и доход)), но книгопродавец признавал высокое предназначение поэта и покупал готовую рукопись, т. е., наставляя поэта на путь профессионализма и внушая ему практицизм, он не посягал на его творческую свободу («Не продается вдохновенье, Но можно рукопись продать», — убеждал он поэта). Советчики-«друзи» повторяют журнальные мнения о романе и предлагают приспособиться к требованиям и вкусам публики. Однако и в новых условиях активного вторжения «века торгаша» в литературные отношения для Пушкина соотношение вдохновения и денег остается неизменным. Поэт «Разговора» мог продать рукопись, содержащую «плод умственных затей», но он не мог поступиться вдохновением. Отказывается писать в угоду публике и поэт — автор послания.

Оборвав третий отрывок на словах «Пожалуй, я бы рад» (т. е. сформулировав свою позицию), Пушкин начинает четвертый, последний вариант. Теперь адресат послания определен окончательно и новые онегинские строфы обращены уже не к «наперснику строгому» Плетневу, а опять к «другам». Как и в предыдущем наброске, «друзи» обнаруживают полную неосведомленность о прошлых, оставленных замыслах поэта, предлагают «рассказ забытый продолжать» и довести сюжет до традиционной концовки:

Что должно своего героя
Как бы то ни было женить,
По крайней мере уморить.
И лица прочие пристроя,
Отдав им дружеский поклон,
Из лабиринта вывести вон.

В черновых вариантах несоответствие их «советов» тому, что друзья поэта и даже читатели знали о возможных планах окончания романа, обнажено еще больше, чем в последней редакции. После выхода шестой главы читатели могли предполагать, что роман будет состоять из 12 глав (в конце шестой главы было указано: «Конец первой части»), — советчики предлагают поэту писать «десяток песен или глав» (вариант: «десятка [?] два»). Друзья поэта знали, что Онегин должен был погибнуть на Кавказе, — «друзи» послания предлагают его «наперек судьбы женить», т. е. наперекор воле главного вершителя судеб своих героев — Пушкина.

Взяв формулу второго наброска «к тому же план счастлив», поэт сперва приспособливает ее к ритму онегинской строфы, превращая одновременно в антитезу к «плану» («Готов уж благо план», «Герой готовый, славный план», «Герой готов — *не нужен план*»), а затем, в окончательном варианте,

упоминание о «плане» убирает, так как в понимании «другов» слово «план» с композицией романа не сочетается. В их речах появляется другое определение композиции романа — «лабиринт». Подобное представление о композиции «Онегина» соотносится с фабульным нагромождением, характерным для байроновского «Дон Жуана», построенного по принципу авантюрного романа, когда автор попеременно бросает героя из одной географической точки и бытовой среды в другую, от несчастья к успеху и от радости к страданию. Для современной критики «Онегин» такой же набор картин, где герой только «связь событий», а строение сюжета определяется передвижением героя по этому запутанному лабиринту социальных, бытовых и пейзажных «картинок».

Таким образом, смысл «советов» и понимание (вернее, непонимание) романа «друзьями» в третьем и четвертом наброске совпадают: здесь то же требование традиционной развязки основной сюжетной линии и привычной концовки и то же представление о романе как наборе картин, количество которых не ограничено и зависит только от трудолюбия автора («...понемногу Иди вперед; не будь ленив»; в вариантах: «роман затягивай опять»; «тяни затеянный роман»). Однако теперь поучения антагонистов конкретизируются. Вместо цитат из критических статей о «раме» и «картинах» в их речах приводится примерный перечень возможных «новых картин», которые поэт мог бы вставить в роман («Рисуй и франтов городских, И милых барышень своих, Войну и бал, дворец и хату, И келью *<пропуск>* и харем», а в вариантах: «чердак *<пропуск>* и харем»).³⁶ Такие «картинки» быта, изображение различных групп населения критика относил к главным достоинствам романа (ср., например: «„Гостиные, девы и модники, герои деревень, городов и балов! Какой подвиг взглянуть на них сардонически!“ Вот господствующая мысль в „Онегине“, которую, может быть, и сам творец сего романа худо объясняет себе»³⁷). Действительно, роман охватывает огромный бытовой материал, касающийся различных слоев общества (от великосветских дам до «охтенки» и «девы» в избушке с лучиной), но все это составляет его фон, который не имеет самостоятельного значения, а служит приметой времени, и действие разворачивается главным образом в двух социальных плоскостях — дворянская усадьба и «свет». Если «бал», «дворец», «войну» и даже «харем» условно можно отнести к этим социальным плоскостям, то «хата» и «чердак», т. е. изображение крестьянского и бедного городского быта, с ними не совмещаются, и весь перечень только подчеркивает, что советчики обнаруживают полное непонимание

³⁶ В рукописи этот перечень вычеркнут поэтом, однако мы не знаем, было ли его решение окончательным или, вычеркнув во второй строфе, он собирался перенести его в следующие строфы.

³⁷ Московский телеграф, 1830, ч. 32, № 6, стр. 239.

основных принципов организации сюжета романа. Игнорирование основной психологической и идеологической линии романа и объяснение его композиции как «ряда картин» сводили роман на уровень современной нравоописательной и бытовой прозы.

Сняв прямые реминисценции из «Разговора книгопродавца с поэтом» (во всяком случае их нет в написанных строфах), Пушкин сохранил его основную коллизию — соотношение свободы творчества и платы в новом ее аспекте, когда плата, «оброк», «налог» зависит от приспособления к требованиям публики. В черновых вариантах «советов» в качестве одного из условий платы содержится читательская заданность, т. е. определена читательская аудитория, на которую должен ориентироваться поэт («Смущай, сердца тревожа их, Унылых барышень твоих»; вариант: «уездных барышень»); в последнем тексте просто изложено требование угождать вкусам читателей («Вы говорите справедливо, Что странно, даже не учтиво Роман не конча перервать»).

В двух написанных строфах последнего наброска еще нет прямого ответа на «советы», однако он заключен уже в самой иронии, которой пронизан весь текст. Ироническое отношение к «советам» звучало и в предыдущих набросках, но дружеская усмешка, обращенная к «наперснику строгому» Плетневу, и горькая ирония октав сменяются иронией спокойной, ровной и уничтожающей. Ирония вносится уже самим подбором слов, пародийно определяющих традиционные романтические концовки («как бы то ни было женить», «уморить», «лица прочие устроя»), она содержится и в поспешном согласии автора с предложениями советчиков («Вы говорите справедливо, Что странно, даже неучтиво»), и в определении композиции романа как «лабиринта», и наконец в противопоставлении «осенних досугов» («в те дни, как люблю мне писать»), т. е. творческого горения поэта, тому способу творить, который предлагают «друзья»: «понемногу Иди вперед; не будь ленив» (в черновиках резче: «тяни затейный роман», «опять затягивай роман»).

Последний отрывок также остался незаконченным, и о возможном окончании его, как и о замысле в целом, можно строить только предположения. Последняя правка, когда поэт вычеркнул перечень «картинок», а в следующей строке («И с нашей публики меж тем») заменил «меж тем» на «за то», позволяет предположить, что вместо вычеркнутых строк он собирался развернуть тему журнальной критики. Действительно, последний вариант «И с нашей публики за то», как отмечено в академическом издании, «не согласован с контекстом» (III, 995), однако в таком виде последние четыре стиха, говорящие об «умеренной плате» с публики, соотносятся с журнальной «хулой» и «бранью» и «налог» становится как бы компенсацией за незаслуженную «брань», которую вынужден терпеть поэт. Таким образом, тема журнальной критики «Онегина», не понимающей истинного замысла

поэта, проходит через все наброски 1835 г. и составляет их смысловую доминанту.

Позиция художника-новатора ставила Пушкина в столкновение с действительностью, с распространенными эстетическими представлениями и литературными вкусами, а положение писателя-профессионала — в материальную зависимость от публики. Полемика вокруг «Онегина» заставила поэта более глубоко осознать тот новаторский шаг, каким являлся его роман, и предпринять попытки воздействия на литературное восприятие современников. Такие попытки предпринимались им еще до открытой полемики в печати, на всем протяжении творческой и издательской истории романа. Уже в упоминавшемся предисловии к первой главе он пытается парировать выпады «дальновидной критики» в отношении «недостатка плана» и «характера главного лица» (VI, 638). Попытки объяснить свой роман, определить его поэтическую систему неоднократно и в непосредственных литературных спорах, например с Н. Раевским, который, как пишет поэт брату, «бранил» роман, потому что ожидал «романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядочно не расчухал» (XIII, 87), и в переписке с А. Бестужевым и К. Рылевым (XIII, 134, 148, 150, 155), которые также подходили к роману с романтическими критериями. Такое же стремление сформулировать свое эстетическое *sredo* содержится и в самом тексте романа. Аппелляция к читателю, расчет на его активное соучастие составляет одну из особенностей структуры романа. Поэт вводит в лирические отступления историко-литературную проблематику. Многие высказывания в «Онегине» являются развернутыми литературными декларациями, выраженными в свойственной жанру отступлений иронической или шутливой форме. Рассыпанные по строфам замечания о разных типах романов имели прямое отношение к типу самого «Евгения Онегина». Поэт подводил читателя к мысли о жанровом новаторстве романа, указывая на отличие его от традиции и на оригинальность его сюжетного решения. В седьмой главе Пушкин дал формулу современного романа, которую справедливо называют «узлом в пушкинской теории романа».³⁸ Это

... два-три романа,
В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его ослобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

³⁸ См.: А. Чичерин. Путь Пушкина к прозаическому роману. — В кн.: История русского романа, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 160—161.

Здесь сформулирован критический принцип авторского подхода к основным героям романа и дано понимание современного человека. Задача романиста установить то брожение мысли и ту жизнь чувств современного человека, в которых воплощены наиболее характерные черты времени. Психологическое раскрытие образа диктовало развитие сюжета. Этим принципом руководствовался и сам Пушкин в «Евгении Онегине». Роман мог быть оборван на любой точке сюжетного развития, как только раскрытие образа было исчерпано.³⁹ Это понял Белинский, подчеркнувший намеренность такого обрыва. Однако то, что было понято и критически обосновано Белинским, вызывало недоумение современной критики, подходившей к роману с традиционными мерками. Пропасть, разделяющая «роман в стихах» от его восприятия современной критикой, увеличивалась по мере выхода отдельных глав. Полунамеков, иронических сопоставлений, поэтических деклараций, которые входили в идущий от автора лирический поток романа, было недостаточно для взаимопонимания между поэтом и читателями. Грустные ноты прощальной (XLIX) строфы романа передают читателю надежды поэта на взаимопонимание и одновременно подводят итог читательских впечатлений, тех толков в публике и критике, через которые прошел создатель «Онегина». Целостное творение, «свободный роман», «живой и постоянный, хоть малый труд» распадается в читательском восприятии на «живые картины», «острые слова», материал для «журнальных сшибок» и «грамматические ошибки». Уже здесь упомянут почти полный комплект журнальных замечаний: и определение композиции романа как ряда «живых картин», и сомнительные комплименты Надеждина, видевшего в романе «рудник для эшиграфов», и грамматические придирки рецензента «Атеней».⁴⁰ Но и лирические строки этой строфы романа, содержащие полемику и окрашенные грустной иронией поэта, обреченного на непонимание, были истолкованы превратно. Надеждин увидел в них «благородное самоотвержение» поэта, который «осознал наконец тщету и ничтожность поэтического суесловия» своего романа.⁴¹

Окончив роман, поэт не расстался с мыслью объяснить его читателям и критикам. В 1830 г., в год окончания «Онегина», в Болдине возникает замысел статьи, которая осталась недоработанной и условно называется «Опровержения на критики». Статья состоит из отдельных заметок — ответов на критики и содержит не только возражения поэта оппонентам, но и острый и точный автокомментарий его к своим произведениям. Так, напри-

³⁹ См.: Ю. М. Лотман. К эволюции построения характеров в романе «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, стр. 171.

⁴⁰ Атеней, 1828, ч. 1, № 1, стр. 76—89.

⁴¹ Телескоп, 1832, ч. 9, № 9, стр. 109.

мер, в ответах критикам «Полтавы» поэт разъясняет смысл своего новаторства в воссоздании характеров исторических лиц, полемизируя с отзывами на «Графа Нулина» — отстаивает права легкой шутиливой поэзии.

Ко времени написания статьи характер нападков на «Онегина» определился, однако незаконченность романа в глазах публики (две главы его еще не были напечатаны) делала затруднительным ответ на замечания, связанные с его структурой и композицией. Поэтому, не говоря о композиции романа специально, поэт касается этого вопроса только попутно, в заметке о пропущенных строфах, которая подводит читателя к пониманию романа как целостного организма, все части которого взаимосвязаны («будучи выпущены, они прерывают связь рассказа» — XI, 149). Две заметки посвящены ответам на замечания «литературных стариков» — Б. Федорова⁴² и критика «Атеней» М. А. Дмитриева.⁴² Б. Федоров осудил роман за забвение канонов классической поэтики и правил «изящного вкуса» (его возмущало, что простая крестьянка названа в романе «девой», а благородные барышни «девчонками»), а критик «Атеней» выискивал в романе «грамматические ошибки», обнаруживая полное непонимание языкового новаторства Пушкина. И, наконец, еще один принципиальный момент, затронутый в статье, — цена романа. Поэт отводит упреки в «ужасном корыстолюбии», объясняя торговые отношения между книгопродавцами и «мещанами-писателями», т. е. писателями-профессионалами, а также зависимость цены на книгу от ее тиража. Это разъяснение Пушкин считал настолько важным, что вводит его в состав другой своей статьи (также оставшейся только в набросках и планах), «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений».⁴³ Стимулом к написанию этой статьи послужило сознание общественной значимости «дружины писателей и ученых», стоящих «впереди во всех набегах просвещения», т. е. определяющих своей деятельностью прогрессивное движение общества. Ведущее положение в обществе вызывает естественный интерес публики к общественному поведению писателя («ползаю ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь») и морально-этическим чертам его личности («добр или зол») и вынуждает его отвечать не только на критику произведений, но и на «личности». «Нападения на писателя и оправдания, коим подают сии повод», по мнению Пушкина, воспитывают публику и увеличивают могущество общественного мнения. Такой «личность», спекулирующей на непонимании читательской массой торговых отношений в книжном деле, были помещенные в «Се-

⁴² С.-Петербургский зритель, 1828, кн. 1, отд. «Критика», стр. 139.

⁴³ Приведенные ниже цитаты из этой статьи берутся по изданию: А. С. Пушкин. Собрание сочинений, т. VI. М., Гослитиздат, 1962, стр. 328 (текст подготовлен Ю. Г. Оксманом).

вёрной пчеле» и «Московском телеграфе» демагогические подсчеты стоимости «Онегина».

Не дописав и не напечатав своих полемических заметок (очевидно, в связи с прекращением издания «Литературной газеты», где они могли быть помещены), поэт стремится довести до читателя свои «опровержения». Ответ Б. Федорову и критику «Атенея» он помещает в примечания к отдельному изданию «Онегина», а на упрёки в «корыстолюбии» отвечает в стихотворном послании, построенном как диалог с оппонентами. В последнем наброске мотив цены подается как ответ «другов» на сомнения самого поэта, не слишком ли дороги книжки романа («Вери умеренную плату, За книжку по пяти рублей — Налог не тягостный, ей-ей»). Здесь же поэт дает ироническую интерпретацию критических отзывов о сюжете и композиции романа.

Так, замысел, начатый в 1833 г. как послание другу и помощнику в издательских делах Плетневу, объясняющее, почему поэт не может вернуться к роману, уже законченному (в последнем варианте), постепенно трансформируется в диалог с критиками и оппонентами и в поэтическое *сredo* Пушкина. «Наперсника строгого», «Плетнева любезного», т. е. конкретного человека, поэта, критика, профессора словесности и друга Пушкина, заменяют «други». Это уже понятие собирательное, за которым скрываются не друзья-единомышленники, а персонифицированное общественное мнение, с которым и полемизирует поэт.

Колебания в выборе поэтического размера показывают, что поэт не сразу подобрал жанровую форму и стилистический ключ для диалога с оппонентами. Определив свое послание как полемическое, он прежде всего обратился к октавам. Октава ассоциативно связана с «Домиком в Коломне», поэмой, где все полемично и где давалась характеристика современных журнальных нравов. Принятые в «Домике в Коломне» форма разговора с воображаемым читателем и стиль непринужденного повествования давали возможность откликаться на конкретные факты литературной полемики. Шутливо-иронический тон поэмы не исключал и нот глубокой горечи и грусти. Большая часть вступления к поэме, в частности полемика с отзывом Булгарина на седьмую главу «Онегина», была отброшена поэтом при публикации «Домика в Коломне», но, начав новую стихотворную полемику, он попробовал воспользоваться уже выработанной формой. В набросанных десяти стихах обращения к «Плетневу любезному» лирическая стихия «Домика в Коломне» принимает оттенок грустной иронии.

Реминисценции из «Разговора книгопродавца с поэтом» позволяют предположить, что поэт собирался развернуть в послании новую поэтическую декларацию с защитой независимости искусства и от общепринятых эстетических норм, и от материальных интересов. С наибольшей прямотой высказывания, открыто он

попытался осуществить это намерение в третьем наброске, написанном александрийским стихом. Длинные строки александрийского стиха — примета высоких жанров, они более декламационны и дальше отстоят от живой разговорной интонации. Ритмическая пауза, отделяющая советы и денежные посулы «другов» от слов самого поэта: «Пожалуй — я бы рад — Так некогда Поэт», предполагает взволнованную авторскую речь в последующих строках. Серьезный тон, заявленный в последних строках этого отрывка, по-видимому, не устраивал Пушкина. Переход к онегинской строфе снова переводит разговор с оппонентами в иронический план, не меняя содержания разговора по существу.

Онегинская строфа с ее непринужденной разговорной интонацией и подробной разработкой отдельных тезисов («забалтываюсь донельзя» (XIII, 75) — писал поэт о первой главе) предполагает (так же как и октавы) известную протяженность, растянутость повествования, так что разговор поэта с публикой был оборван, по-видимому, задолго до конца. Форма строфы и реминисценции из «Разговора книгопродавца с поэтом», связанные в сознании публики с началом романа, позволяют предположить, что этот разговор мог составить нечто вроде авторского послесловия к роману. Новое издание «Евгения Онегина» появилось за несколько дней до смерти поэта, и если даже в расчете на него готовил Пушкин свое «послание», мы никогда не сможем в ответе на этот вопрос переступить границу предположений.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПУШКИНА
1820-1830-х
ГОДОВ**

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ
И ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД**

1974